

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1989

ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ СУБСТРАТЕ ДРЕННЕИНДИЙСКОГО ЭПОСА

1. Значение термина "этнографический субстрат" (далее - э.с.), введенного в научный обиход В.Я.Проппом, является комплексным и, по справедливому мнению Б.Н.Путилова, связано с производственными, социально-бытовыми, семейными отношениями коллектива.¹ Эта теоретическая проблема совершенно не случайно поставлена и разрабатывается в фольклористике, предметом изучения которой является, как известно, устная повествовательная традиция. Коллективная, безавторская природа создания и импровизационная практика воспроизведения традиционного текста обуславливают его специфические черты, среди которых в связи с темой сообщения необходимо отметить консервативный характер отражения традицией порождающей ее "этнографической действительности" (Б.Н.Путилов), как бы ни была эта действительность удалена во времени от активной жизни оформленной фольклорной традиции. Насколько можно судить по эпическим данным, этнографические черты древней культуры, давшей жизнь произведениям фольклора, "всплывают" в них автоматически, неизбежно подвергаясь трансформации под воздействием художественного метода устной эпики с ее особой "техникой ретроспективы".

Индивидуально-авторское творчество, основанное на принципиально иных закономерностях, нежели фольклорное, отличается в указанном отношении сознательный, целевой отбор тех или иных сторон этнографической реальности. При этом совершенно не обязательно этнографический аспект культуры выступает как порождающее начало авторского произведения, т.е. как его э.с. Помимо того, для авторского творчества совершенно не обязательна ретроспектива, отделяющая его, как это происходит в фольклоре, от той действительности, в том числе и этнографической, которая находит в нем свое отображение.

2. В основе типологии этнографических связей фольклора лежит его ориентация на "такие явления традиционного быта, которые сами по себе уже представляют определенные обобщения... и имеют формульно-кодовый характер"² (разрядка моя - С.Н.). Опосредованность связи фольклорного текста с э.с. заложена, таким образом, в самих особенностях тех компонентов, которые составляют э.с., выступающий в фольклоре одновременно в двух функциях - и как "предмет изображения", и как "посредствую-

щая система".³

3. Субстратно-этнографические связи фольклора универсальны: они проявляются на жанрово-генетическом, функциональном, содержательном, сюжетно-композиционном и стилистическом уровнях. По данным сравнительно-исторической типологии культуры "героического века", к которой восходят истоки эпоса, присущ как один из определяющих ее признаков синтез ритуального и мифологического начал. Отсутствие их обособленности и более того - структурный изоморфизм мифа и ритуала позволяют использовать для характеристики этой культуры понятие "мифо-ритуального комплекса", который в совокупности его словесной и действенной сторон может считаться субстратной композиционной моделью для построения эпоса. Поэтому выбор в качестве объекта исследования одного из компонентов э.с. древнего эпоса обосновывается доминирующей ролью именно данного компонента для формирования традиционного устно-фольклорного текста в целом или же отдельной его стороны. Так, уделяемое в последние десятилетия индологами внимание к изучению ритуальных "корней" "Махабхараты" (далее - Мбх.) предопределено исключительной проявленностью в ней именно этой стороны определившего ее становление э.с.

4. Представляется очевидной многоослабность субстрата и многомерность его воздействия на оформление эпоса, а по отношению к Мбх., учитывая ее почти тысячелетнюю историю "живого" бытования, и его многослобность. Эта характеристика э.с. аналогична по своему содержанию археологическому понятию "смешанного культурного слоя" и в таком понимании подчеркивает неправомочность прямого этнографического прочтения устно-фольклорного в генезисе эпоса.⁴

5. Типы соотношений различных фольклорных жанров с э.с. установлены В.Я.Проппом.⁵ По сравнению с редко встречающимся (и то в обрядовом фольклоре) полным совпадением между обрядом и текстом значительно чаще, по В.Я.Проппу, происходит переосмысление, трансформация э.с. (этот тип связи с э.с. можно считать для эпоса доминирующим). Процесс переосмысления э.с. может завершиться в отдельных случаях полным его "обращением", когда некоему явлению отошедшей в прошлое этнографической действительности придается совершенно иное значение.

6. С целью частичной конкретизации предложенных тезисов кратко рассмотрим схему трансформации в Мбх. "основного" индо-европейского мифа. Его субстратное значение для Мбх. обосновано П.А. Гринцером.⁶ Многочисленные переложения мифов вводятся в Мбх. пу-

тем композиционной инкорпорации, в результате чего достигается наглядное сопоставление героико-эпического и актуального для его семантики мифологического содержания (апелляция к парадигме-примеру). Можно было бы ожидать, что изложенный в эпосе ведийский миф об Индре и Вритре содержит прямую субстратную информацию. Однако это не так. "Сценарий" мифа, действительно, сохраняется, но по сравнению с реконструируемым ригведийским сюжетом его космогонический смысл совершенно затемнен, зато ярко высвечен воинский характер поединка. Процесс антропоморфизации образа Индры в Мбх. существенно продвинуто. И противопоставит Индре вполне антропоморфный демон (не скала, не иная преграда на пути вод, не дракон), который воплощает в себе черты воина - антагониста эпического героя.

Но изменением характера ведийского сюжета и образов его главных персонажей в духе эпической героики не исчерпывается трансформация "основного" мифа в Мбх. Едва ли не самым главным новшеством в его эпическом переложении является "индуизация" фигуры Вишну. Если в ведийской мифологии Вишну-Упендра, "Малый Индра", выступает лишь помощником Громовержца, то в Мбх. Вишну, одно из "великих" божеств формирующегося индуизма, всесилен. Лишь благодаря тому, что Вишну, а следом за ним все боги передают Индре свой теджас, "ратный пыл", Индра одерживает победу над Вритрой.

7. Архитектоника эпического сюжета строится на переплетении типовых мотивов, анализ содержания которых подтверждает типологическую общность Мбх. с другими эпосами древности и в то же время показывает специфику отражения в ее сюжетах этнографической действительности. С той же целью выявления субстратных воздействий проанализируем один из типовых мотивов - м о т и в - "р е ч ь".

Наиболее значимые для эпического сюжета словесные коммуникации характеризуются начальной типологической двойственностью: в них вовлечены на равных правах персонажи и героического и мифологического плана. Виды контактов качественно различаются в зависимости от того, вступают ли в общение между собой эпические герои, или же одна из сторон коммуникации представлена персонажем мифологическим. Типичными формами второго вида словесных контактов являются особого рода монологи, диалоги и беседы.

1) Монологи-стуты, т.е. умилоостивительные прославления, строящиеся по типу ведийского "среднего гимна", так же как и этот гимн содержат имена-эпитеты божеств, их возвеличительные характеристики и перечни прошлых деяний. Но эпический "гимн", равно как и ведийский, апеллирует не к целостному мифологическому образу с его "биографией", а выдвигает на передний план именно те его аспекты,

которые должны проявиться в ответ на просьбу героя. Даже если бы в Мбх. отсутствовали прямые свидетельства воздействия на нее ведийской традиции, то и тогда, учитывая синхронность их сосуществования, можно было бы сделать вывод о том, что гимническая поэзия Мбх. сложилась не без влияния сакральной ведийской поэзии гимнов.

2) Диалоги, которые эпические герои ведут на равных с мифологическими персонажами, благодаря своему исходному дуализму ("мир людей" и "мир богов") отмечены, как правило, более или менее выраженными агонистическими характеристиками, свойственными индоевропейскому ритуалу обмена между различными группами социума. Некоторые из диалогов представляют собой эпическое воспроизведение ведийской брахмодьи – ритуального обмена загадками на космологические темы. Превращенный облик мифологического персонажа ("водное чудовище" – змей или птица) ассоциирует такие диалоги, ставкой которых является жизнь проигравшего, с архаическим посвящением. Таким образом, и здесь налицо мозаичные, а точнее многослойные ритуально-мифологические реминисценции, указывающие на возможные истоки подобных диалогических ситуаций.

3) Следует сказать, что в Мбх. динамика действия фактически замещена не столько обилием описаний, сколько многочисленными словесными контактами, среди которых наибольшей протяженностью отличаются так называемые беседы. От "заказчика"–слушателя исходит тогда в лучшем случае лишь импульс к повествованию, рассказчику же принадлежит ведущая партия. В содержании бесед, во время которых мифологический "наставник" подробно развертывает перед героями космологическую и социально-этическую тематику, в самом их назначении – утешить царя Юджистхиру– и ряде других деталей их текстовой организации нетрудно усмотреть тесно сплетенные между собой мифо-ритуальные ассоциации, связанные с "приобщающей" и "психотерапевтической" функциями религиозного посвящения, которое сохраняет типологические черты, присущие и более древним классам инициаций.

Сказанное совершенно не означает, что словесные контакты эпических героев между собой не несут эксплицитной или же имплицитной мифо-ритуальной информации. Однако обращена она в план эпической синхронии, т.е. наиболее актуальных для сложившегося эпоса представлений. В состав эпической словесности входят такие, например, формы обрядовой поэзии, как хулительные стихи, унижающие противника, самовосхваление героя или прославление им своего соратника. Все эти формы словесных контактов составляли древнейший об-

ряд подготовки к бою с целью наращивания воинской мощи во имя победы.

Анализ типового мотива—"речи" позволяет сделать заключение не только о многомерности субстратного воздействия на сюжеттику Мбх., но и о многослойности (в оговоренном смысле) ее э.с., который подобен эпической истории и идеологии в том именно смысле, что также представляет собой, по выражению А.Н.Веселовского, "слияние несколькими веками разделенного".⁷

-
1. Б.Н.Путилов. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976, с. 180.
 2. См. там же, с. 203.
 3. См. там же, с. 203.
 4. См. Я.В.Васильков. Махабхарата как исторический источник (к характеристике эпического историзма) - НАА, 1982, № 5, с. 52.
 5. В.Я.Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, с. 12, 13.
 6. П.А.Гринцер. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1975.
 7. А.Н.Веселовский. Историческая поэтика. М., 1940, с. 471.

Э.С.Русинова

ФОЛЬКЛОРНО-МИТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ С.ГХОША

Органическая связь с древнеиндийским классическим наследием продолжает оставаться важнейшей чертой всей современной индийской культуры, а потому использование в индийской литературе традиций фольклора и мифологии заслуживает внимательного изучения. Постараемся проследить обращение к этим мотивам в индийской англоязычной литературе на примере творчества С.Гхоша, одного из ярчайших представителей того литературного направления, для которого характерна сознательная ориентация на древний слой культуры.

Среди писателей Индии XX века, отдавших дань экспериментаторству в романном жанре, одно из ведущих мест среди англоязычных авторов принадлежит Судхиндранату Гхошу (1899-1965). Его романы переводились на французский, немецкий и польский язык, но в нашей стране его имя известно узкому кругу специалистов. А между тем, обращение к его творчеству помогает воссоздать многокрасочную и